

Взлеты и падения государств. Силы перемен в посткризисном мире

Автор:

[Ручир Шарма](#)

Взлеты и падения государств. Силы перемен в посткризисном мире

Ручир Шарма

Ручир Шарма, разработчик инвестиционной политики компании Morgan Stanley, рассматривает экономическое развитие разных стран весьма прагматично: ему важно знать, в какие страны стоит вкладывать средства, а в какие – нет. Двадцатипятилетний опыт деятельности в сфере инвестиций и анализ статистических данных из истории почти двухсот стран за период с 1960 года позволили автору выработать десять конкретных правил для оценки экономических перспектив государств. Сопоставляя темпы роста народонаселения, инфляции, ВВП и другие основные показатели, он делает краткосрочные прогнозы. И, судя по процветанию Morgan Stanley, они сбываются.

Ручир Шарма

Взлеты и падения государств. Силы перемен в посткризисном мире

© Ruchir Sharma, 2016. All rights reserved

© Н. Шахова, перевод на русский язык, 2018

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018

© ООО “Издательство АСТ”, 2018

* * *

Пролог

В диких условиях[1 - “В диких условиях” (Into the Wild) – фильм Шона Пенна по одноименной книге Джона Кракауэра, вышедший на экраны в 2007 году (прим. перев.).]

Вот уже четверть века я каждый год езжу на сафари – то в Индию, то в Африку. В одной из африканских поездок я услышал легенду о короле, который отправил сына познавать музыку джунглей. В первый раз на фоне оглушительного жужжания насекомых и гомона птиц юный принц сумел расслышать только львиный рык и трубный рев слонов. Но юноша уходил в джунгли снова и снова и постепенно начал различать менее громкие звуки. Наконец он стал слышать шорох ползущей змеи и шелест крыльев бабочки. Но король повелел сыну отправляться в джунгли до тех пор, пока тот не научится улавливать опасность в неподвижности и надежду в утренней заре. Чтобы удостоиться королевского сана, принц должен был уметь слышать беззвучное.

Хотя ритмы джунглей и далеки от ритмов Нью-Йорка, моей среды обитания, эта древняя африканская легенда хорошо применима к миру, искореженному глобальным кризисом 2008 года. Кризис перевернул мир вверх дном, нарушив торговые и денежные потоки, дав толчок политическим волнениям и замедлив рост мировой экономики; пейзаж чудовищно изменился, и стало еще труднее понять, каким государствам суждено взлететь, а каким упасть. Эта книга о том, как, пропуская мимо ушей посторонние звуки и назойливую шумиху, уловить четкие признаки грядущего подъема и падения государств. Это попытка открыть пройденный принцем путь познания всем, кого интересуют глобальная экономика.

Обитатели финансового мира зачастую кажутся себе хищниками семейства кошачьих, чуткими к шорохам экономических джунглей. Но в Африке видишь,

что между кошачьими и всеми остальными нет особой разницы. Каждый год более миллиона антилоп гну преодолевают почти две тысячи миль по долинам Мары и Серенгети в Кении и Танзании, совершая один и тот же цикл на протяжении жизни многих поколений. Эти несуразные гну вместе с зебрами и газелями кочуют вслед за дождями, а за ними следуют львы, леопарды и гепарды.

Казалось бы, игра идет в одни ворота, но это не так. Львы движутся довольно медленно и быстро выдыхаются, поэтому настигают свою добычу реже, чем в одном случае из пяти. Гепарды проворнее, зато они меньше и часто охотятся в одиночку, поэтому часть добычи вынуждены уступать падальщикам, объединенным в стаи. Едва ли хоть один из десяти гепардов живет дольше года. У львов дела чуть получше, но многие молодые львы погибают в территориальных боях с другими самцами. Перед хищниками вопрос жизни и смерти стоит не менее остро, чем перед теми, кого они преследуют. Тем, кто метит во львы глобальной экономики, стоит об этом задуматься.

Страх за свое существование преследует меня с тех самых пор, как я вступил в эти джунгли. Я занялся инвестированием в двадцать с небольшим, в середине 1990-х, когда Соединенные Штаты процветали, а развивающиеся государства еще казались дикими и экзотичными. Финансовые кризисы проносились по всему миру, от Мексики до Таиланда и России, порождая болезненные рецессии и тасуя ряды развивающихся экономик и мировых лидеров. Сопутствующие им разрушения вымели с глобальных рынков немало крупных инвесторов, включая многих моих учителей, коллег и друзей.

Оглядываясь назад, видишь, что пути национальных лидеров (и глобальных инвесторов) подчиняются устойчивой закономерности: они начинают идти по дороге, ведущей к экономическому или финансовому успеху, а потом дорога резко сворачивает и заводит в зыбучие пески. Так было в 1990-е во время кризисов развивающихся стран, в 2000–2001-м – во время кризиса из-за лопнувшего на рынке высоких технологий пузыря, и снова – в 2008-м. Каждый раз, следуя привычкам, сложившимся в хорошие времена, люди теряли бдительность, и их поглощала разверзшаяся под ногами бездна.

Циклические качания рынка – от эйфории до отчаяния и обратно – принято объяснять “стадным поведением”, но даже в реальных джунглях жизнь оказывается сложнее. Антилопами гну руководит определенный “коллективный интеллект”, который обеспечивает выживание сообщества ценой ранней гибели

многих индивидуумов. Круговую миграцию антилоп высмеивает старая пословица: “Трава всегда зеленее в других краях”, но на самом деле стадо ведет себя мудро, четко понимая, где трава будет зеленее. Оно идет за дождем: весной – на север, в Кению, а осенью – обратно на юг, в Танзанию.

При этом два раза в год антилоп подстерегают серьезные опасности при переправе через реку Мара, которую приходится форсировать и на пути на юг, и на пути на север. В обычное время стадо избегает хищников благодаря древней системе сигнализации – воплям бабуинов и пронзительным крикам птиц. Но на берегу Мары система не срабатывает: здесь скапливаются десятки тысяч антилоп, а опасности находятся в пределах видимости: в бурных ливневых потоках легко утонуть или оказаться в пасти крокодила, а на другом берегу преодолевших реку поджидают львы.

Антилопы стоят, опустив головы и оглашая окрестности ревом; кажется, что все они говорят разом, как аналитики с Уолл-стрит, планирующие свои действия во время видеоконференции. Стадо ждет, пока кто-нибудь рискнет двинуться с места. Вот одна антилопа шагнула вперед и отступила – и страх парализует всех. Но память коротка, через пару минут будет другая попытка, и если антилопа бросится в воду, остальные последуют ее примеру. Многие тут же попадут в разинутые пасти или смертельные водовороты. Подсчитано, что ежегодно гибнет десять процентов популяции антилоп гну, значительная часть – именно на переправе.

Работая на глобальных рынках от Нью-Йорка до Гонконга, привыкаешь находиться в непрерывном движении, как антилопы гну. Каждый день отчеты аналитиков будоражат финансовые столицы, призывая массы то к погоне за Великой прибылью, то к побегу от Великой коррекции. Примерно раз в квартал тяга к движению порождает очередной консенсус – тенденция, усилившаяся после глобального финансового кризиса. Возьмем, к примеру, 2015-й. В первом квартале только и было разговору о пульсирующем рынке китайских акций: нужно было то в него нырнуть, то из него вынырнуть; в каждый момент ситуация представлялась однозначной. Во втором квартале все крутилось вокруг Греции: казалось, она погубит мировую экономику; а в третьем квартале все говорили только о финансовой панике в Китае. Аналитики иногда правы, иногда ошибаются, но это не мешает им двигаться дальше, забывая о том, что и почему они говорили накануне. Иной раз смена ориентиров происходит совершенно с бухты-барухты.

На Уолл-стрит в ходу избитые фразы о том, что выживают только параноики и самые приспособленные. Я бы сформулировал это иначе: важно суметь поставить мудрую паранойю на службу выживанию. Каждый кризис воспринимается как новый призыв к действиям, и чем сильнее кризис, тем неистовее реакция. Спустя годы после 2008-го страх перед новыми большими потерями все еще столь велик, что крупнейшие игроки Уолл-стрит норовят подводить баланс ежемесячно, а не ежегодно, что заставляет брокеров непрерывно торговать в надежде избежать даже одного-единственного плохого месяца. Хотя, судя по опыту, сейчас в выигрыше скорее окажутся те, кто торгует меньше, – действительно, как выразился один острослов, “ленивым быть выгодно”.

Летом 2014-го, уже побывав на многих сафари, я впервые увидел, как большая кошка настигает свою добычу. Дело было в Танзании. Однажды вечером мы с друзьями наткнулись на гепарда, который тяжело дышал после (как рассказал нам проводник) двух неудачных погонь того дня. Следующие пару часов гепард выжидал в укрытии, пока восстановится дыхание, наступят сумерки и ветер сменит направление так, чтобы запах хищника не доносился до одинокого самца газели. Когда все это сложилось, гепард начал красться – очень медленно, низко пригибаясь к земле, чтобы скрыться за невысокой травой саванны. Оказавшись ярдах в пятидесяти от своей жертвы, он рванул со скоростью шестьдесят миль в час и молниеносным зигзагообразным броском прижал газель к земле.

Предшествовавшая стремительному рывку неподвижность была выразительнее, чем сам рывок. Большие кошки приспособлены выживать за счет сбережения энергии; тратить ее в постоянном движении они не готовы. Львов чаще всего видят спящими: они спят по восемнадцать-двадцать часов в день. После удачной охоты кошачьи стараются не тратить лишнюю энергию на схватки из-за еды. И циклические перемены погоды не повергают их в панику. Я видел, как во время яростных послеобеденных ливней, которые обрушиваются на кенийские долины Масаи-Мары, дикие животные замирают как вкопанные – хищники на расстоянии рывка от своей добычи, – пока потоп не кончится. Кажется, они инстинктивно понимают, что ливень – всего лишь краткий эпизод в нормальном течении жизни и что паника только увеличит хаос.

В джунглях успешно выживают многие, и не только большие кошки. Самая мощная защита у гигантских вегетарианцев – слонов и носорогов. Даже прайд львов редко нападает на семитонного слона с шестифутовыми бивнями. Самые чуткие – антилопы гну с их сетями бабуинов и птиц. Лучшие охотники, вероятно,

гиены: хоть их и принято считать падальщиками, крадущими чужую добычу, гиены – одни из самых успешных крупных хищников. В отличие от кошачьих, гиены выносливы, могут догнать практически любое животное и не ограничивают свой рацион старыми и больными особями. Двигаясь стаями, насчитывающими до шестидесяти особей, гиены никого не боятся. В долине Серенгети я видел однажды, как прайд львов уступил свою добычу стае из двадцати настойчивых гиен.

Еще на заре своей карьеры я на собственном болезненном опыте усвоил: хочешь продержаться не один пятилетний политический и экономический цикл из тех, что сотрясают глобальную экономику, – следуй определенным законам джунглей. Не трать энергию на ежедневные или ежеквартальные скачки? в показателях. Адаптируйся к изменяющемуся ландшафту – не позволяй своей гордыне заслонять путь к стратегическому отступлению. Следи за основными трендами и ищи пересечения. Создавай систему поиска важных признаков перемен даже тогда, когда все вокруг блаженно плывут по течению. За последние четверть века я вложил массу усилий именно в это: в разработку правил, которые позволяют предсказывать грядущие перемены в экономических условиях.

Выживание государств в мировой экономике подчиняется тем же правилам, что и выживание в дикой природе или на Уолл-стрит. Нет единого образца для подражания. Все государства в равной степени подвержены циклам взлетов и падений, кладущих конец большинству периодов бурного экономического роста и превращающих стремительного гепарда в обессиленную кошку. Волны кризиса, последовавшие за глобальным крахом 2008-го, искорежили множество экономик – слабых и сильных, развитых и развивающихся. Следуя устойчивым закономерностям экономического развития, новые звезды новой эры, скорее всего, возникнут из тех государств, которыми сейчас пренебрегают как падальщиками и медлительными вегетарианцами и подъем которых начинается без особой шумихи. Каждый, кто хочет разобраться в подъемах и падениях государств, должен усвоить: глобальная экономика – это грохочущие джунгли; резкие взлеты, падения и противоречия – часть их нормальной жизни. Далее излагается мое пособие по выявлению десяти красноречивых (пусть и беззвучных) признаков серьезных поворотов – к лучшему или худшему.

Введение

Непостоянство

Вдокризисную эпоху – годы, предшествовавшие кризису 2008-го, – мир наслаждался невиданным экономическим бумом, охватившим территории от Чикаго до Чунцина. Хотя бум продолжался всего четыре года и имел довольно шаткие основания, многие расценивали его как начало золотого века глобализации. Казалось, потоки денег, товаров, людей будут вечно расти с рекордной скоростью, повышая уровень благосостояния по всему миру. Все больше бедных государств пополнит ряды богатых. Все больше граждан этих государств вырвутся из бедности и смогут зарабатывать на достойное существование, сокращая разрыв между одним процентом населения и остальными. Повсеместный рост и укрепление среднего класса заставит диктаторов ослабить цензуру, провести настоящие выборы и открыть новые возможности. Рост благосостояния повлечет за собой политические свободы и демократию, а те, в свою очередь, – еще большее процветание.

Потом грянул 2008 год. Докризисная эпоха уступила место посткризисной. На смену ожиданиям золотого века пришла новая реальность. Восторги по поводу глобализации сменились ропотом о необходимости деглобализации. Общая картина сложна и противоречива, потому что не все традиционно связываемые с глобализацией потоки замедлились или пошли вспять. Например, поток информации, измеряемый интернет-трафиком, продолжает расти. Резко возросли потоки туристов и авиапассажиров. Зато поток экономических мигрантов, перемещающихся из бедных стран в богатые, уменьшился, несмотря на яростные столкновения, произошедшие в 2015-м по поводу беженцев-мусульман из Сирии и Ирака. А международные потоки капиталов вместе с международной торговлей товарами и услугами – то, что самым непосредственным образом влияет на экономический рост, – значительно замедлились.

Государства сделали упор на внутреннюю экономику, восстанавливая торговые барьеры и отгораживаясь от соседей. В 2010-х, впервые после 1980-х, международная торговля росла медленнее, чем глобальная экономика. Крупные международные банки, опасаясь давать ссуды за рубежом, отступили внутрь родных границ. После тридцати с лишним лет бурного роста потоки капитала достигли в 2007-м исторического максимума в 9 триллионов долларов^[2] – всюду в книге под долларами, если не оговорено иное, понимаются доллары США (прим. перев.) и 16 % от мировой экономики, а затем упали до 1,2 триллиона и 2 % – той же доли, что и в 1980-м.

Когда денежные потоки иссякают и объем торговли падает, то же происходит и с экономическим ростом. В национальных экономиках рецессия – нередкое явление, но, поскольку где-нибудь в мире всегда есть быстрорастущие государства, глобальная экономика в целом сокращается редко. Поэтому Международный валютный фонд определяет глобальную рецессию не в терминах отрицательного роста ВВП, а в терминах падения роста доходов, сокращения рабочих мест и других факторов, из-за которых мир чувствует себя в объятиях рецессии. По данным МВФ, таких периодов было четыре: в середине 1970-х, в начале 1980-х, в начале 1990-х и в 2008–2009 годах. Во всех четырех случаях темпы роста глобального ВВП упали ниже 2 %, при том что долгое время они составляли 3,5 % [3 - Рост глобального ВВП здесь вычисляется на основе рыночных обменных курсов.]. Глобальный рост упал ниже 2 % и в 2001 году, когда в США лопнул пузырь на рынке высоких технологий. Таким образом, с практической точки зрения можно сказать, что с 1970 года произошло пять мировых рецессий, и объединяет их одно: все они начались в США.

Однако следующая глобальная рецессия, похоже, будет “сделана в Китае”. За последние годы Китай превратился во вторую по размеру экономику мира; он вносит самый большой вклад в ежегодный рост глобального ВВП. В 2015 году из-за замедления роста китайской экономики глобальная экономика росла всего лишь со скоростью 2,5 % и к концу году балансировала на грани очередной рецессии. Спад в Китае особенно сильно ударил по другим развивающимся странам. Если исключить Поднебесную, то остальные развивающиеся экономики растут со скоростью чуть выше 2 %, то есть медленнее, чем гораздо более богатая экономика США. Среднедушевой доход в этих бедных и средних странах больше не догоняет показатель ведущей экономики мира. Развивающиеся экономики – от Бразилии до ЮАР – спускаются вниз по лестнице развития. Ощущение открывшихся возможностей, возникшее на фоне глобального процветания, сменилось сварой из-за поиска ниши для выживания.

Мировой порядок нарушился. Надежда, что процветание породит свободу и демократию, тоже не оправдалась. По данным организации Freedom House, начиная с 2006 года число стран, в которых происходит ограничение политических свобод, ежегодно превосходит число стран, где наблюдается их расширение. В целом за последние десять лет 110 стран (более половины стран мира) испытали некоторое ограничение свобод [1 - Mark P. Lagon and Arch Puddington, “Democracy Takes a Global Hit,” Wall Street Journal, January 27, 2016.]. Значительного изменения числа демократических стран не произошло, но репрессии усиливаются даже в таких странах, как Россия, которые

поддерживают видимость выборов. Мало кто продолжает утверждать, что в Китае процветание приведет к демократии. Отмечается, напротив, что возникает новая и все более агрессивная форма авторитаризма: вслед за Россией и Китаем целый ряд режимов отрицает демократию как универсальную ценность и защищает мягкие формы политических репрессий как выражение уникальной национальной культуры.

Серьезный удар по глобальному процветанию и политическому спокойствию был нанесен примерно в 2010-м, когда замедление экономического роста распространилось с США и Европы на развивающиеся страны. В предыдущее десятилетие мир сталкивался в среднем с четырнадцатью эпизодами крупных социальных потрясений в год, но после 2010-го это число подскочило до двадцати двух. Движущей силой во многих случаях было растущее негодование среднего класса, вызванное ростом неравенства и стареющими режимами, погрязшими в комфортный докризисный период в коррупции и самодовольстве.

Первые серьезные волнения возникли в ходе “арабской весны”, когда протесты, вызванные ростом цен на продовольствие, породили надежду, что на Ближнем Востоке могут возникнуть новые демократические государства. Эта надежда была похоронена с возвращением диктатуры в Египте и возникновением гражданских войн на территории Ливии и Сирии. К 2011-му волнения охватили более крупные развивающиеся государства. Они были вызваны экономическими неурядицами, усугубленными глобальным спадом: инфляцией в Индии, политическим кумовством в России, неудовлетворительными зарплатами и условиями труда в ЮАР. Кульминация произошла летом 2013-го, когда миллионы людей вышли на демонстрации в городах Бразилии и Турции – стран, еще недавно демонстрировавших бурный рост экономики.

Американский драматург Артур Миллер однажды сказал, что эпоха подходит к концу, “когда исчерпались ее основные иллюзии”[2 - Arthur Miller, “The Year It Came Apart,” New York Magazine, December 30, 1974.]. Сегодня иллюзии докризисной эры о воцаряющемся повсеместно экономическом благополучии полностью исчерпали себя. Последней умерла надежда, что бурный расцвет Китая будет продолжаться вечно, приводя к подъему другие страны – от России до Бразилии и от Венесуэлы до Нигерии, – преуспевание которых было вызвано в основном экспортом товаров китайцам. Предполагалось, что постоянно растущий китайский спрос породит “суперцикл” растущих цен на сырьевые товары и вызовет подъем благосостояния всюду – от Москвы до Лагоса. Такой ход событий стал казаться не слишком правдоподобным к 2011-му, когда начали

снижаться цены на медь и сталь, а в конце 2014-го, когда цены на нефть за несколько месяцев упали более чем наполовину, окончательно ушел в сферу несбыточного.

Непостоянство глобальных трендов лучше всего иллюстрирует судьба государств, вызвавших такой фурор в 2000-е: Бразилии, России, Индии и Китая. Маркетологи объединили их акронимом БРИК; предполагалось, что этим четверем гигантам предстоит доминировать в глобальной экономике. Теперь же этот акроним часто снабжается эпитетами вроде разбитый или рассыпающийся, расшифровывается как “безумно разорительная инвестиционная концепция” или перетасовывается в акроним КРАБ, чтобы показать, как нелепо смотрятся теперь Китай, Россия и Бразилия. В посткризисную эру годовой рост ВВП в Китае упал с 14 % до (согласно некоторым оценкам) менее 5 %, в России – с 7 % до минус двух, а в Бразилии – с 4 % до минус трех[3 - Harry Wu, “China’s Growth and Productivity Performance Debate Revisited – Accounting for China’s Sources of Growth with a New Data Set,” The Conference Board, Report no. EPWP1401, February 2014.]. Из всех членов БРИК только у Индии сохраняются – пусть минимальные – шансы, что ее 2010-е годы по темпам роста хотя бы отдаленно напомнят 2000-е.

Посткризисная эра воспринимается особенно болезненно из-за эйфории предшествовавшего ей бума и из-за того, что лишь немногие наблюдатели предвидели кризис. Мир жил в преддверии бесконечного блаженства, а вместо этого настали тяжелые времена. Мир рассчитывал на растущий спрос со стороны процветающего среднего класса, а вместо этого столкнулся с падающим во многих странах спросом со стороны возмущенного среднего класса. Стандартные опасения инфляции уступили место страху перед дефляцией, падающими ценами, что в некоторых случаях еще опаснее для экономического роста.

Модные персонажи докризисной эры ушли в забвение. В связи с тем, что денежные потоки иссякли или повернули вспять, валюты развивающихся стран значительно ослабели. С тех пор как в 1978 году стали регистрировать международные денежные потоки, в развивающийся мир ежегодно вливались капиталы. Первый отток произошел в 2014-м, а в 2015-м случился прорыв плотины – отток составил 700 млрд долларов. Внезапная потеря развивающимися странами этих финансовых ресурсов осложняет выплату их внешних долгов. Многие такие страны, усердно трудившиеся, чтобы выбраться из долговой ямы, снова в нее свалились. На пике докризисного бума в 2005 году МВФ не провел ни одной спасательной операции и, казалось, был готов свернуть

свою деятельность по выдаче экстренных ссуд, но в 2009-м ее пришлось возобновить в увеличенном объеме. С тех пор МВФ запускает по десять-пятнадцать новых программ помощи ежегодно для стран от Греции до Ямайки.

В посткризисную эру пришло более широкое осознание опасностей, грозящих экономическому росту. Начавшийся в 2009-м подъем глобальной экономики станет, по-видимому, самым скромным за период после Второй мировой войны. В 2007-м, перед самым началом финансового кризиса, темпы роста замедлялись лишь в одном из двадцати развивающихся государств. К 2013-му соотношение составляло уже четыре из пяти, причем этот синхронный спад продолжался уже третий год подряд – дольше всего в новейшей истории. Он длился дольше, чем падение темпов роста в развивающемся мире в 1994 году после кризиса мексиканского песо, или после азиатского финансового кризиса 1998 года, или после того как в 2001 году лопнул пузырь на рынке высоких технологий, или даже после кризиса 2008-го [4 - Ghada Fayad and Roberto Perrelli, "Growth Surprises and Synchronized Slowdowns in Emerging Markets: An Empirical Investigation," International Monetary Fund, 2014.]. По мере углубления застоя привычный поиск очередной звезды развивающегося мира уступает место осознанию: экономический рост не является непреложной закономерностью. Крупнейшие регионы мира, включая Византийскую империю и Европу времен до промышленной революции, прошли через периоды практически полного отсутствия экономического роста, продолжавшиеся столетия.

Специалисты Goldman Sachs изучили статистику за последние сто пятьдесят лет и выделили страны, в которых экономический рост в течение долгого времени был ниже среднего, а среднедушевой доход снижался относительно других стран той же категории. Они обнаружили девяносто таких периодов стагнации продолжительностью не менее шести лет каждый, в том числе двадцать шесть затянувшихся дольше чем на десять лет. Такие спады наблюдались в Германии в 1860-е и 1870-е, в Японии в 1990-е и во Франции в 2000-е. Самый долгий период стагнации (23 года) начался в Индии в 1930-м, второй по продолжительности (22 года) – в ЮАР в 1982-м. Эти периоды стагнации не так известны и не так хорошо изучены, как послевоенные десятилетия бурного роста азиатских стран, благодаря которым Япония (до 1990-го) и некоторые ее соседи перешли в категорию богатых государств. Однако стагнация встречается по меньшей мере так же часто, как бурный рост, и имеет, пожалуй, больше отношения к посткризисной эре.

Важно понимать, что даже бизнес-циклы не обеспечивают возрождения государств предсказуемым, линейным образом. Если развал экономики превышает определенные масштабы, она может потерять способность к самовосстановлению. Например, обычно рецессия увеличивает уровень безработицы и снижает уровень зарплат, что в итоге ведет к новому циклу найма и восстановления. Однако слишком долгая и глубокая рецессия может привести к потере трудовыми ресурсами навыков, к многочисленным банкротствам и уничтожению промышленных мощностей, что вызовет еще более длительный спад. Такую опасность принято называть “гистерезисом” – когда медленный или негативный рост порождает не восстановление, а еще более медленный рост. В застойную посткризисную эру возник страх, что некоторые государства так и застрянут в этом состоянии.

Зыбкая и сложная природа устойчивого роста теперь очевидна и вызывает простой вопрос. Как в этом непостоянном мире предугадать, какие государства, скорее всего, пойдут на подъем, а какие – на спад? Каковы важнейшие признаки грядущих перемен в государстве и как эти признаки заметить? Чтобы помочь ориентироваться в этом полном противоречий мире, подверженном подъемам и спадам, в этой книге приведены десять правил, позволяющих проверить, находится ли государство на подъеме, на спаде или просто плетется кое-как. Вместе эти правила работают как система предсказания перемен. Они в большей степени применимы к развивающимся государствам, отчасти потому что там слабее развиты экономические и политические институты, что делает такие страны более уязвимыми для политических и финансовых волнений. Однако далее я покажу, что применение многих из этих правил к развитым странам тоже может оказаться полезным.

Распознавание закономерностей: на каких принципах основаны правила

В основе всех правил лежит несколько базовых принципов. Первый принцип – непостоянство. На пике бума 2000-х множество глобальных факторов – льющиеся рекой из банков Запада “легкие деньги”, взметнувшиеся ввысь цены сырьевых товаров, расцвет мировой торговли – удвоили скорость роста развивающихся экономик. Масштаб подъема был беспрецедентным: к 2007 году число стран, растущих со скоростью более 5 %, достигло сотни, то есть в пять раз превысило послевоенную норму, – но составители прогнозов сочли этот аномальный всплеск поворотным пунктом. Экстраполируя существовавшие тренды, они пришли к выводу, что если все бурно растущие экономики продолжают свой бурный рост, вскоре многие развивающиеся страны по

среднедушевому доходу сравниваются с развитыми странами или по крайней мере приблизятся к ним – этот процесс назвали “конвергенцией”.

Такое прямолинейное прогнозирование едва ли можно считать чем-то новым. В 1960-х Манила выиграла право разместить у себя штаб-квартиру Азиатского банка развития (АБР), отчасти благодаря предположению, что быстрый рост Филиппин делает страну будущим лидером Азии. К следующему десятилетию рост – в условиях диктатуры Фердинанда Маркоса – застыл, но штаб-квартира АБР навсегда осталась в Маниле. В 1970-е аналогичные упражнения в экстраполяции привели некоторых американских ученых и аналитиков спецслужб к выводу, что советская экономика станет крупнейшей в мире. А вместо этого она к концу 1980-х развалилась. К тому времени лидером следующего столетия была объявлена Япония, но и этой экономической звезде было суждено вскоре закатиться.

Все это не помешало очередному всплеску энтузиазма в начале 2000-х, на этот раз по поводу БРИК или БРИКС (С – от первой буквы английского названия ЮАР, которую иногда включают в эту группу) и суперцикла сырьевых товаров. Пик шумихи пришелся примерно на 2010-й, как раз тогда, когда процесс уже начал сворачивать на традиционные рельсы: за десятилетним подъемом цен на сырьевые товары, как правило, следует двадцатилетнее падение. Сегодня представление об этих государствах как о региональных экономических тягачах стало далеким воспоминанием.

Из принципа непостоянства мира вытекает второй принцип: никогда не предсказывать экономические тренды на слишком отдаленное будущее. Глобализационные тренды приходят и уходят со времен Чингисхана, в XII веке наладившего торговлю по Великому шелковому пути, а формирующие экономический рост циклы бизнеса, технологий и политики коротки – в среднем около пяти лет. Электоральный цикл тоже в среднем составляет пять лет и может ввести в игру лидеров-реформаторов, способных подхлестнуть стагнирующие экономики. В результате любой прогноз, рассчитанный более чем на один-два цикла (пять – максимум десять лет), скорее всего, не сбудется. По этой же причине нелепыми кажутся модные разговоры о грядущем азиатском (или даже африканском) веке.

Одна из задач этой книги – перевести разговор о мировой экономике с неопределенного будущего в более практичные рамки пяти-десяти лет и сосредоточиться на прогнозировании грядущих подъемов, провалов и

возможных политических волнений. Предсказания на следующие 20–100 лет не могут оправдаться в принципе, поскольку новые экономические конкуренты могут появиться за пять лет, как это было с Китаем в начале 1980-х, Восточной Европой в 1990-е и значительной частью Африки – в 2000-е. Точно так же за пять лет практически из ниоткуда может выскочить новая технология, как в 1990-е появился интернет, а сейчас появляются новые цифровые технологии производства – вроде 3D-печати. В послевоенное время даже двадцать восемь самых долгих периодов “сверхбыстрого” роста – когда подушевой ВВП рос быстрее 6 % в год – длились в среднем менее десяти лет[5 - Lant Pritchett and Lawrence Summers, “Asiaphoria Meets Regression to the Mean,” National Bureau of Economic Research, Working Paper no. 20573, October 2014.]. Поэтому чем дольше длится рост, тем менее вероятно, что он еще продолжится. Когда такая страна, как Япония, Китай или Индия, интенсивно растет в течение десятилетия, аналитиков должны интересовать не причины, по которым рост будет продолжаться, а момент, когда он прекратится.

Распространенная вера в то, что хорошие времена продлятся вечно, подкрепляется феноменом так называемой “якорной смещенности”: разговоры тяготеют к той точке (якорю), с которой начались. В 2000-е анализ глобальной экономической конкуренции привел некоторых к убеждению, что двузначный годовой рост ВВП – нормальное явление для Китая и что рост свыше 7 % – норма для развивающихся стран. Эти сверхвысокие темпы роста были беспрецедентны, но стали точкой отсчета (якорем). В 2010 году мысль о том, что развивающийся мир ждет скорое падение средних темпов роста до 4 %, была настолько ниже якоря, что казалась немыслимой, хотя 4 % – это средний показатель для развивающихся государств в послевоенное время. Вообще говоря, при выборе правильной точки отсчета для любого прогноза надо вернуться назад до тех пор, пока не наткнешься на надежные данные; это позволит выявить закономерность, наиболее обоснованную исторически. Описанные в этой книге закономерности взлетов и падений основаны на моих собственных исследованиях, опирающихся на базу данных по пятидесяти шести развивающимся странам послевоенного мира, которые смогли поддерживать рост в 6 % на протяжении как минимум десятилетия.

Привычка привязываться к плохо выбранному и неправдоподобному якорю усугубляется феноменом, известным как “предвзятость подтверждения”, – стремлением отбирать только информацию, подтверждающую ваше мнение. Во времена безудержного оптимизма 2000-х в мире господствовала предвзятость подтверждения в отношении радужных перспектив БРИКС, но чаще всего в моде пессимизм. Именно он представляет наибольшую опасность в наше время,

когда, учитывая тяжелую обстановку в мире, очень трудно убедить кого-нибудь, что у каждого государства есть шансы на подъем. Вместо характерного вопроса: Как будет выглядеть мир, если сохранятся нынешние тенденции? нужно всегда задаваться вопросом: Что произойдет, если все будет идти по стандартному сценарию и цикл будет повторяться каждые лет пять? В каком-то смысле все правила сводятся к правильному выбору вероятностей на основе циклических закономерностей непостоянного мира.

Скептикам, которые полагают, что ограничение прогноза периодом в пятьдесят лет отражает узость и недалекость подхода Уолл-стрит, я бы сказал – подождите. В главах этой книги рассказывается, что долгие периоды уверенного роста происходят потому, что лидеры стран избегают тех видов излишеств, из-за которых возникают кредитные и инвестиционные пузыри, валютные и банковские кризисы и гиперинфляция – различные виды провалов, которыми кончаются экономические чудеса. Так что правила можно использовать и как руководство по достижению долгосрочного экономического успеха.

В таких странах, как Бразилия или Индия, часто можно услышать, что если правительство делает упор на экономическом росте, то страдают здравоохранение, образование и другие показатели человеческого развития. Но это не так. В странах с самым низким подушевым доходом обычно и показатели человеческого развития очень низкие. ООН ежегодно составляет Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), ранжируя страны по показателям образования (таким как продолжительность школьного обучения), здравоохранения (таким как ожидаемая продолжительность жизни) и базовой инфраструктуры (таким как доступность водопровода и электричества). Совокупный рейтинг страны по ИРЧП часто очень близок к ее рейтингу по подушевому доходу – результату ее экономического развития. Например, в последнем рейтинге Индия занимает 135-е место из 187. Только десять стран, отставших от Индии по среднему доходу, обогнали ее по ИРЧП и только пять с более высоким доходом отстали по ИРЧП.

Рейтинги Индии повысились, но лишь в меру роста ее экономики. В 1980 году, когда ИРЧП подсчитывался всего для 124 стран, Индия занимала сотое место. В последующие десятилетия экономика Индии выросла на 650 %, при том что мировая – меньше чем на 200 %. В результате Индия поднялась в рейтинге ИРЧП и сейчас занимает 89 место среди исходных 124, прибавив 11 пунктов. Однако страны с более высокими темпами роста повысили свой рейтинг еще сильнее.

Экономика Китая выросла на 2300 %, и его ИРЧП повысился на 30 пунктов, с 92 до 62. И такая зависимость наблюдается не только в бедных странах. Экономика Южной Кореи выросла на 700 %, и ее рейтинг повысился на 30 пунктов, с 45 до 15. Есть, конечно, и исключения: например, в ЮАР люди живут на редкость недолго для страны со средним доходом в 6500 долларов, что объясняется отчасти высоким уровнем убийств и эпидемией СПИДа. Если страна сильно отстала от других стран своего уровня по какому-то показателю развития, имеет смысл сосредоточить усилия именно на этом показателе. Однако в целом если страна делает упор на рост экономики, то развитие приложится.

Непрактичная наука

Экономическая наука вызывает в обществе все большее разочарование, потому что экономисты не смогли предсказать не только события 2008-го, но и многие кризисы, потрясшие мир как до, так и после. Экономистов критикуют даже их собственные коллеги за излишне академичный подход, за чрезмерную увлеченность элегантными математическими моделями и теориями, в которых предполагается, что люди всегда действуют рационально, и за стремление опираться на накопленную статистику, которая меняется слишком медленно, чтобы по ней можно было предсказывать будущее. А практики – будь то политики, дипломаты, бизнесмены или общественные деятели – не могут ничего планировать без обоснованных предположений о том, что будет дальше. Эта книга предназначена именно практикам. Они довольно скептически относятся к хрустальным шарам, но им нужно уметь и заглядывать вперед, и с первого взгляда распознавать ложную экономическую футурологию.

На экономику все чаще смотрят как на непрактичную науку. Для ряда ученых прогнозирование – интеллектуальное упражнение, они получают награды за публикацию гениальных идей. Результатом часто является одномерный или идеологический взгляд на мир. Некоторые американские и европейские интеллектуалы намекают, что мусульманская культура слишком отсталая и не может обеспечить быстрый экономический рост. Иные крайне правые считают, что любое действие властей плохо по определению. Либералы часто приписывают устойчивый экономический рост демократическим институтам – объяснение, которое не работает во многих случаях, включая длительный бум в Азии (1980–2010), когда большинство режимов региона не были либеральными.

Экономисты и журналисты склонны преувеличивать важность какого-либо одного из факторов роста – будь то сложности, обусловленные отдаленным географическим положением, преимущества либеральных институтов или демографические плюсы молодого и растущего населения – в механизме подъема и падения государств. Эти факторы, убедительно описанные в новейших бестселлерах, действительно нередко играют важную роль в формировании долговременного роста, но, по моему опыту, ни один из них не может служить надежным признаком того, как будет меняться экономика в ближайшие пять лет. Например, “нефтяное проклятие” вполне реально: в бедных странах, не готовых к игре в нефтяную лотерею, открытие крупных нефтяных месторождений способствует росту коррупции и замедлению развития. Однако из-за острой неприязни к коррумпированным нефтедержавам составители прогнозов могут не заметить, что, когда мировые цены на нефть вступают в десятилетие бума, многие нефтяные экономики с большой вероятностью тоже ждет бум.

Экономические теории важно понимать, но не менее важно знать, как их применять, в каких сочетаниях и в каких ситуациях. Темпы роста экономики зависят от множества факторов, и баланс этих факторов меняется с течением времени, по мере увеличения богатства страны и изменения ситуации в мире. Поэтому, чтобы ничего не упустить, большинство ведущих составителей прогнозов создают безумно сложные системы. Различные организации, в том числе Всемирный банк и МВФ, учитывают десятки и даже сотни факторов, которые оказывают статистически значимое влияние на экономический рост, – от доли студентов, изучающих юриспруденцию, до этнолингвистического состава страны и того, является ли она бывшей испанской колонией.

Для составления прогноза, имеющего практический смысл, нужно отбраковать всю информацию, которая не обеспечивает перспективного подхода и не является надежной и актуальной. Захлебывающиеся информацией жители развитых стран могут удивиться тому, насколько в странах развивающихся трудно добыть надежные сведения по основным вопросам, таким как размер экономики, – а также тому, насколько нерегулярно эти сведения обновляются. В начале 2014 года Нигерия официально объявила, что ВВП страны составляет 500 млрд долларов, что мгновенно увеличило размеры ее экономики вдвое. Этот резкий скачок не привлек особого внимания, потому что специалисты по развивающимся рынкам уже привыкли к подобным статистическим кульбитам. Всего за год до этого Гана произвела такой же грандиозный пересмотр, за счет которого одним махом перешла из разряда бедных стран в средний класс. По поводу частых пересмотров официальных экономических сведений

статистическим бюро Индии бывший председатель индийского Центробанка Я. В. Редди однажды сказал мне, что если будущее туманно всюду, то в Индии туманно даже прошлое.

Статистика, поступающая из развивающегося мира, обладает удивительной изменчивостью и зачастую корректируется в интересах ведущих рыночных игроков. Аналитики, сомневавшиеся в достоверности официальных данных о росте ВВП Китая, начали сличать их с другими показателями, такими как объем грузоперевозок и потребление электроэнергии. Такая проверка может быть очень надежной, да только в 2015 году обнаружилось, что власти приказывали строителям включать свет даже в пустующих жилых комплексах: таким образом повышали потребление электроэнергии, приводя его в соответствие с официальными показателями экономического роста. Это классический пример закона Гудхарта: когда экономический показатель становится целью, он теряет свою ценность – отчасти потому, что очень многим становится выгодно подтасовка данных ради достижения заданного значения[6 - “Goodhart’s Law,” BusinessDictionary.com.].

Полезную и актуальную информацию дают цены на глобальных финансовых рынках: в обычное время они весьма точно отражают всеобщие ожидания в отношении развития той или иной экономики. На рынках находит материальное воплощение то, что Джеймс Суrowецки назвал “мудростью толпы”, – реакция рынка мгновенна и подвержена эмоциональным перегибам, но не безумным пересмотрам[7 - James Surowiecki, *The Wisdom of Crowds: Why the Many Are Smarter Than the Few and How Collective Wisdom Shapes Business, Economies, Societies, and Nations* (New York: Doubleday, 2004).]. Резкое понижение цены на медь всегда служило для мировой экономики грозным предзнаменованием, из-за чего этот базовый металл получил в финансовых кругах прозвище Доктор Коппер[4 - Copper англ. – медь; доктор Коппер – персонаж научно-фантастической повести “Кто идет?” (Who Goes There?) Джона Вуда Кэмпбелла – младшего (John Wood Campbell, Jr.) (прим. перев.).]. В США, одной из немногих стран, где финансирование привлекается в основном с помощью облигаций и других долговых инструментов, а не банковских кредитов, рынки заемного капитала стали подавать сигналы бедствия задолго до начала трех последних рецессий: в 1990, 2001 и 2007 годах. Кредитные рынки посылают иной раз и ложные сигналы, но по большей части их можно считать вполне надежным индикатором.

Фондовые биржи, несмотря на периодические припадки эйфории или паники, тоже имеют хорошую историю предвидения экономических тенденций. В 1966 году нобелевский лауреат Пол Самуэльсон саркастически отметил, что фондовая биржа “предсказала девять из пяти последних рецессий”, и его часто цитируют, стремясь принизить точность биржевых прогнозов. Однако сам Самуэльсон был не лучшего мнения и об экономистах с их еще менее надежными прогнозами. В 2014 году в публикации Ned Davis Research отмечалось, что, несмотря на несколько больших проколов, когда рынок падал в ожидании рецессии, которая так и не случилась, фондовая биржа продолжает служить надежным индикатором как периодов преуспевания экономики, так и ее спадов. В 1948 году фондовый индекс S&P500 стал в среднем снижаться за семь месяцев до пика экономического подъема и начал подниматься за четыре месяца до дна рецессии. С другой стороны, по сообщению Ned Davis, изучение истории прогнозов профессиональных аналитиков, регулярно привлекаемых филиладельфийским отделением Федрезерва, показало, что эти ведущие экономисты как группа в целом “не предсказали ни единой” из семи последних рецессий начиная с 1970 года[8 - Ned Davis, Ned’s Insights, November 14, 2014.]. В США официальным регистратором рецессий является Национальное бюро экономических исследований, и оно объявляло о начале рецессии в среднем через восемь месяцев после ее реального начала.

Сами по себе числа, не считая рыночных индикаторов, не могут дать ключ к пониманию реальных перспектив государства. Большинство экономистов склонны игнорировать любой фактор – даже такой существенный, как политика, – если он не поддается количественной оценке или не встраивается в прогнозную модель. Поэтому “политику” они изучают через количественные показатели вроде государственных расходов и процентной ставки. Однако числами нельзя измерить энергию, порожденную непримиримостью нового лидера к монополистам, взяточникам или бюрократам. Ни одна страна не имеет неотъемлемого права на экономическое процветание; ее лидерам приходится за него бороться, и бороться постоянно. Поэтому в моих правилах предусмотрен смешанный подход, учитывающий конкретные данные – кредиты, цены, денежные потоки – и менее осязаемые предвестники изменения политики и экономического курса.

Вот базовые принципы: избегайте прямолинейных прогнозов и туманных разглагольствований о грядущем веке. Относитесь скептически к универсальным однофакторным теориям. Избегайте предвзятости любого рода, будь то политическая, культурная или “якорная”. Не верьте, что недавнее прошлое является прологом к отдаленному будущему, и помните, что встряски и

кризисы – это норма жизни. Отдавайте себе отчет в том, что любая страна, как бы успешна или неуспешна она ни была, скорее вернется к долговременному среднему темпу роста для своей категории дохода, чем будет бесконечно расти ненормально быстро (или медленно). Следите за сбалансированностью роста и уделяйте особое внимание ограниченному набору динамических показателей, которые позволяют предвидеть цикличные изменения.

Практичное искусство

Я выработал свои правила в ходе двадцатипятилетнего изучения движущих сил экономического развития – факторов, которые теоретически и практически приводят к переменам в экономике. Эти правила помогают мне и моим сотрудникам сосредоточить внимание на самом важном. Приезжая в ту или иную страну, мы собираем впечатления, рассказы, факты и данные. Все наблюдения содержат определенную информацию, но нам нужно знать, какие из них ранее позволяли надежно судить о будущем страны. Правила были выработаны на основе наших умозаключений и протестированы на практике – мы проверяли, какие из них срабатывают. Исключение несущественного позволяет направить разговор в нужное русло, чтобы определить, что происходит в стране: подъем или спад.

Я сократил обширные списки факторов роста так, чтобы можно было следить за самыми важными движущими силами перемен, но чтобы с числом индикаторов можно было справиться. Теоретически рост экономики можно разбивать на составляющие разными способами, но некоторые подходы оказываются полезнее других. Рост можно определить как сумму государственных расходов, расходов потребителей и инвестиций в строительство заводов и жилья, покупку компьютеров и другого оборудования и вообще в развитие государства. Обычно инвестиции составляют существенно меньшую часть экономики, чем потребление, часто в районе 20 %, но они являются одним из самых важных индикаторов перемен, потому что всплески и падения инвестиций обычно влекут за собой восстановления и рецессии. Например, в США волатильность инвестиций в шесть раз превышает волатильность потребления, и если во время типичной рецессии инвестиции уменьшаются больше чем на 10 %, то потребление практически не снижается – просто его рост падает примерно до 1 %.

Рост можно рассматривать и как совокупность производства в различных отраслях, например сельском хозяйстве, промышленности и сфере услуг. При этом промышленность во всем мире приходит в упадок – сейчас она составляет менее 18 % мирового ВВП, а в 1980 году ее доля была 24 %, – но она остается важнейшей движущей силой перемен, потому что традиционно является основным источником рабочих мест, инноваций и роста производительности. Поэтому в правилах уделяется большое внимание инвестициям и заводам и намного меньшее – потребителям и фермерам. Есть мнение, что промышленность идет по стопам сельского хозяйства по мере того, как механизация сокращает рабочие места, и мои правила уточняются, чтобы отразить этот сдвиг. Но пока что промышленность – по-прежнему ключ к пониманию экономических перемен.

Из этого вовсе не следует, что нужно выкинуть все учебники, – нужно просто сосредоточить внимание на наиболее существенных для прогнозирования движущих силах. Вот хорошая иллюстрация: в учебниках говорится о важной роли сбережений в привлечении инвестиций и стимуляции роста, потому что банки вкладывают сбережения частных вкладчиков и компаний в дороги, заводы и новые технологии. Но вопрос сбережений сродни вопросу о курице и яйце: совершенно неясно, что возникает раньше, устойчивый рост или большие сбережения. В этой книге рассматриваются и другие знакомые многим вопросы, такие как влияние переинвестирования и избыточного кредитования, опасности инфляции и неравенства, превратности политических циклов. Но все эти факторы можно отслеживать и измерять сотнями способов, а я хочу показать, например, как именно нужно анализировать национальную долговую нагрузку и как понять, когда она говорит о повороте к лучшему или к худшему.

Я игнорирую факторы, которые влияют на рост экономики в долгосрочном плане, но мало показательны в качестве знаков перемен. Например, образование – излюбленное средство повышения квалификации трудовых ресурсов и производительности, но в моих правилах ему уделяется мало внимания. Отдача от инвестиций в образование происходит так нескоро и она настолько неоднозначна, что образование практически бесполезно в качестве индикатора экономических изменений в ближайшие пять-десять лет. Многие исследователи связывают произошедший после Второй мировой войны бум в США и Англии с введением всеобщего государственного образования, но его введение началось еще до Первой мировой войны. Недавнее исследование Центра городского развития (Centre for Cities) показало, что в 2000-е быстрее всего росли те британские города, которые больше всего инвестировали в образование в начале 1900-х. Экономист Эрик Ханушек в публикации 2010 года

показал, что двадцатилетняя реформа образования может увеличить экономику на треть, но этот рост произойдет через семьдесят пять лет после начала реформы.

В послевоенное время экономический рост во многих случаях наблюдался в странах с низким уровнем образования, таких как Тайвань или Южная Корея. Специалист по Азии Джо Стадвелл отмечает, что в Тайване доля неграмотного населения составляла в 1945 году 55 %, и в 1960-м оставалась значительной – 45 %. В Южной Корее в 1950 году уровень грамотности был сравним с показателем Эфиопии. Когда в Китае в 1980-е начался экономический рост, местные власти активно инвестировали в дороги, заводы и другие объекты, которые дают быструю отдачу, потому что карьера чиновников зависела от немедленного обеспечения высоких показателей роста. До школ руки дошли позже.

Инвестирование в образование часто рассматривается как священный долг, вроде защиты материнства, и мало кто интересуется его реальной пользой. В некоторых странах огромные расходы на систему высшего образования не дали почти никакого экономического эффекта, даже в долгосрочном плане. Россия имеет самую высокую среднюю продолжительность школьного обучения (11,5 лет) и самую высокую долю населения с высшим образованием (6,4 %) среди развивающихся стран. Однако доставшемуся ей в наследство с советских времен высокому уровню научно-технического образования еще только предстоит отразиться на экономике. Россия по-прежнему зависит от сырья, и, хотя в стране есть несколько динамичных интернет-компаний, в ней практически отсутствует сектор высоких технологий, а темпы развития ее экономики в 2010-е годы были одними из самых низких в мире.

Я не вижу особой пользы и в обзорах, авторы которых, по сути, стремятся превратить в науку измерение некоторых благоприятных для повышения производительности факторов. В докладе Всемирного экономического форума о международной конкуренции упор сделан на двенадцати базовых категориях, но влияние многих из них, таких как институты и образование, сказывается с большим запаздыванием. Например, Финляндия уже давно имеет высокий рейтинг по системе форума, а в 2015-м занимала четвертое место в мире, будучи первой в дюжине подкатегорий, от начального образования до антимонопольной политики. А среди стран ЕС она была вообще на первом месте. Тем не менее из кризиса 2008 года она выходила чрезвычайно медленно – намного медленнее США, Германии и Швеции, почти с той же скоростью, что и наиболее

пострадавшие страны Южной Европы. Это стало расплатой за быстрый рост долговой нагрузки и зарплат и за сильную зависимость страны от экспорта древесины и другого сырья в период падения мировых цен на эти товары. И наличие в Финляндии хороших начальных школ не защитило страну от натиска более серьезных движущих сил.

Всемирный банк тоже публикует рейтинги стран по всевозможным параметрам – от качества дорог до того, сколько дней нужно для открытия новой компании, – и эти рейтинги приобрели большую популярность. Это порождает свои проблемы, потому что все больше стран начинают нанимать консультантов, которые помогли бы им повысить тот или иной рейтинг (еще один пример закона Гудхарта в действии). В 2012 году президент Владимир Путин поставил цель в течение шести лет повысить позицию России в рейтинге Doing Business со 120-го места до места в первой двадцатке, и результаты не заставили себя ждать. К 2015-му Россия поднялась на 51-е место, обогнав Китай больше чем на тридцать пунктов, а Бразилию и Индию – на шестьдесят. Возникает вопрос: если в России так легко заниматься бизнесом, почему там никто этого не делает? В 2015-м в Москве продолжает усиливаться враждебность к международному бизнесу и изоляция от него в гораздо большей степени, чем в Китае, Бразилии или Индии. По мере возможности я стараюсь не опираться на показатели, которые поддаются политическому манипулированию и маркетингу.

В разные годы и в разных странах на первый план выходят то одни, то другие движущие силы перемен. В посткризисную эпоху в экономике доминировала тема долговой нагрузки: страны, которые больше всего сделали для выплаты долгов, накопившихся к 2008 году, – и множество стран, которые еще глубже погрязли в долгах, пытаюсь противостоять начавшемуся спаду. В целом глобальная долговая нагрузка сейчас больше, чем она была в 2008-м, и это серьезная проблема. Но свою первую главу я посвятил правилу не о долгах, а о людях и о демографии: именно они могли бы сыграть особенно важную роль в развитии экономики.

Еще одна простая характеристика экономического роста – продолжительность рабочего дня в сочетании с почасовой производительностью. Однако производительность плохо поддается измерению, и результаты постоянно пересматриваются и оспариваются. Зато количество рабочих часов отражает рост трудовых ресурсов, который определяется ростом населения, а его вычислить относительно несложно. В отличие от экономических прогнозов, прогнозы в отношении населения зависят от немногих простых факторов – в

основном от рождаемости и от продолжительности жизни – и давно подтвердили свою надежность. С 1950-х и до начала нового тысячелетия ООН двенадцать раз предсказывала размеры населения земного шара в 2000 году, и для всех прогнозов, кроме одного, отклонение от реального значения составило менее 4 %. Первое правило говорит о влиянии роста населения на экономику, остальные – в той или иной степени – касаются производительности. Но я не использую данные о росте производительности напрямую, потому что они ненадежны.

В определенном смысле прогресс в экономике наполовину зависит от роста народонаселения. С 1960 года мировая экономика, включая как развитые, так и развивающиеся страны, в среднем росла примерно на 3,5 % в год[5 - Это число характеризует потенциальный рост, который мы вычисляем как сумму роста производительности и роста занятости, используя показатели из общей экономической базы данных Conference Board.]. Половина этого роста объясняется ростом населения, точнее, ростом трудовых ресурсов, то есть тем, что большее количество людей работает больше часов. Вторая половина обусловлена ростом производительности. Это соотношение 50 на 50 сохраняется и поныне с одним удручающим изменением: обе части уравнения уменьшаются.

Зависимость экономического роста от народонаселения довольно жесткая: уменьшение трудовых ресурсов на один процентный пункт влечет замедление экономического роста примерно на один процентный пункт. В последнее десятилетие именно это в целом и происходило. Рост мирового ВВП имел тенденцию к снижению, и сейчас он более чем на один процентный пункт меньше своего долгосрочного среднего значения в докризисный период. Не случайным является тот факт, что с 2005 года рост населения трудоспособного возраста (с 15 до 64 лет) замедлился до 1,1 % с 1,8 % в предыдущие пятьдесят лет. Чем это грозит, пока неясно, но в разных странах процесс идет неравномерно. Население трудоспособного возраста уже уменьшается в Германии и в Китае; оно растет, хотя и очень медленно, в США, и оно по-прежнему резко растет в Нигерии, Филиппинах и в ряде других стран. Замедление роста населения мира может задержать, но не может прекратить регулярные взлеты и падения государств.

Остальные правила относятся в той или иной степени ко второй половине мирового роста, который некоторым образом связан с ростом производительности. Здесь общая картина мира тоже выглядит в лучшем случае смешанной. В 1960–2005 годах среднегодовой рост производительности

составлял около 2 %, но за последнее десятилетие он снизился почти на целый процентный пункт. Как и темпы роста населения, официально зарегистрированные темпы роста производительности тоже в разных странах снизились в разной мере: от менее одного процентного пункта в США до более чем двух пунктов в Южной Корее и почти четырех – в Греции. Но если демографический спад несомненен, то вокруг реальности снижения роста производительности кипят споры.

Рост производительности складывается из трудноизмеримых параметров повышения квалификации работников, из числа и мощности используемых ими орудий производства и из неуловимого фактора x , отражающего то, насколько хорошо применяют работники эти орудия[6 - Технически рост производительности есть сумма повышения качества трудовых ресурсов, углубления структуры капитала и совокупной производительности факторов производства.]. Этот фактор x , на который может повлиять что угодно, начиная с компьютерных навыков и более совершенного управления и кончая улучшением дорог, позволяющим быстрее доставлять работников на рабочие места, является самой туманной частью этого сложного вычисления. Техноскептики утверждают, что произошедший в последнее десятилетие спад роста производительности объясняется тем, что последние технические новинки дают лишь тривиальные усовершенствования в связи и развлечениях: Twitter, Snapchat и тому подобное. Даже после обучения и тренировки работников эти новинки не дадут того прироста производительности, какой давали изобретения прошлого: электричество, паровой двигатель, автомобиль, компьютер или кондиционер, который резко повысил производительность труда задыхавшихся офисных работников.

Оптимисты возражают, что измерения роста производительности не отражают экономию затрат и времени, вызванную новыми технологиями: искусственным интеллектом, все более мощной широкополосной связью и нарождающимся “интернетом вещей”. Например, в США стоимость широкополосного интернета много лет подряд остается неизменной, хотя широкополосные соединения стали намного более быстрыми и приобрели мобильность – что дает огромную экономию времени, никак не отраженную в данных о росте производительности[9 - “Picking Apart the Productivity Paradox,” Goldman Sachs Research, October 5, 2015.]. Если оптимисты правы, то производительность растет намного быстрее, чем показывают текущие измерения, а вместе с ней ускоряется и экономический рост. Кто бы ни был прав, обе стороны согласны, что проще измерять рост населения, который имеет более очевидное влияние на экономику. Меньше работающих означает более медленный рост экономики, и

этот эффект в последние пять лет повсеместно становится все более заметным.

Все правила предназначены для учета тонких взаимосвязей между кредитами, инвестициями и другими ключевыми факторами, необходимыми для функционирования экономики. По ходу книги станет – я надеюсь – ясно, каким образом эти десять правил работают вместе как единая система. Коротко говоря, в государстве, вероятнее всего, начнется устойчивый подъем, если оно оправляется после кризиса, исчезло с радаров глобальных рынков и СМИ и выбрало демократического лидера, имеющего мандат на реформы. Этот лидер создаст условия для привлечения продуктивных инвестиций, особенно в строительство заводов и дорог, а также в развитие технологий, которое укрепит инфраструктуру и тем самым сдержит инфляцию. А вероятность того, что бум скоро закончится, увеличивается, когда страна начинает чувствовать себя слишком комфортно, а частные компании и лица залезают в долги для покупки нелепой роскоши, особенно импортной. Этот период расточительства лишит страну возможности оплачивать заграничные счета, увеличивая в то же время разрыв между миллиардерами и всеми остальными, между столицей и провинцией, и вызовет мощный политический протест, который и сметет одряхлевший к тому времени режим, после чего цикл может возобновиться.

В последней главе книги бегло описано, каков в настоящее время рейтинг ведущих развивающихся и развитых стран относительно этих десяти правил. Рейтинги постоянно меняются, поэтому в последней главе дан просто моментальный снимок работы правил как системы. Наш подход не дает никаких гарантий в условиях непостоянного мира. Самое большее, на что можно рассчитывать, – это что он повысит вероятность выявления очередного поворота в постоянном цикле взлетов и падений государств. Эту систему анализа глобальной экономической конкуренции следует отнести скорее к сфере практического искусства, чем непрактичной науки. Здесь нет крупномасштабных прогнозов на 2050 год – только объективные усилия предугадать наиболее правдоподобное развитие событий на ближайшие пять-десять лет. Цель – практическое руководство по прогнозированию взлетов и падений государств в реальном времени.

Глава 1

Человеческий фактор

Растет ли кадровый резерв?

Сначала я не видел ничего особенно загадочного в унылом глобальном восстановлении. После 2008-го, когда сначала США, а вскоре и весь мир погрузились в глубокую рецессию, экономисты утверждали, что восстановление будет болезненно медленным, потому что это “системный кризис”, а не обычная рецессия, и я им поверил. Их исследования показывали, что после разрушительного для финансовой системы кризиса экономика даже по окончании рецессии обычно еще в течение четырех-пяти лет растет замедленными темпами. Но год шел за годом – пять, шесть, семь, – а экономика продолжала быть сверх ожиданий слабой. К 2015-му в мире все еще не было ни одного крупного региона, где экономический рост вернулся бы на средний докризисный уровень. И я уверился, что столь медленное восстановление ненормально. Тут была загадка: где же ожидаемый рост?

Экономисты предложили массу объяснений тому, почему восстановление экономики идет в этот раз так туго – самыми медленными за все послевоенное время темпами. Большинство их теорий можно свести к значительному ослаблению спроса в результате серьезного кредитного кризиса: компании и потребители начинают увереннее тратить деньги лишь по мере того, как они – с трудом – погашают свою задолженность. Другие относят слабый спрос на счет усугубляющегося неравенства доходов, ужесточения надзора за банковским кредитованием и других симптомов посткризисного стресса. Частично все они могут быть правы, но трудно понять, как именно все эти факторы сказываются на экономическом росте. В США покупательский спрос явно полностью восстановился к 2015 году: продажи автомобилей достигли новых высот, идет стремительное увеличение числа рабочих мест, однако заявленный рост ВВП по-прежнему намного ниже докризисного уровня. Как часто случается в хорошем детективе, может быть, сыщики не там искали?

Мы с моей командой перенесли фокус внимания со спроса на предложение: на ту сторону экономики, которая занята поставками трудовых ресурсов, капитала, земли – базовых составляющих роста. И нашли неожиданного преступника. Одной из важнейших причин отсутствия роста оказался, как ни странно, прежде всего, сокращающийся запас активных трудовых ресурсов. Это открытие настолько противоречило популярным страхам перед вытеснением людей с их рабочих мест роботами и искусственным интеллектом, что в него было трудно

поверить. Как может быть проблемой нехватка работников, если развитие технологий сделало их ненужными? Однако в этом случае цифры действительно не врут.

Резкое снижение прироста населения началось еще до кризиса 2008 года, и на самом деле именно им можно в значительной степени объяснить столь удручающие темпы восстановления. Как мы уже видели, один простой способ измерения потенциала роста экономики заключается в сложении роста производительности с ростом трудовых ресурсов, и, хотя во всем мире резко упали оба, падение производительности широко оспаривается, поскольку многие специалисты полагают, что официальная статистика недооценивает вклад новых цифровых технологий. По официальным данным, в 1960–2005 годы производительность в США росла в среднем на 2,2 % в год, прежде чем замедлиться до 1,3 % в последние десять лет. Замедление прироста населения было еще более резким, и с этим никто не спорит. Пятьдесят лет до 2005 года рабочая сила в США росла со средней скоростью 1,7 % в год, а за последнее десятилетие замедлилась всего до 0,5 %. Говоря коротко, в случае США самым внятным объяснением недостающего экономического роста – который в значительной мере определяется приростом населения трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) – служит примерно однопроцентное падение прироста трудовых ресурсов.

Мир продолжает содрогаться от приступов страха перед сценарием “взрывного” роста населения, согласно которому в будущем запасов пищи и других ресурсов не будет хватать на всех – со взрывоопасными последствиями. В основе этого сценария лежит часто цитируемый прогноз ООН об увеличении количества жителей Земли к 2050 году еще на 2,4 млрд человек, с 7,3 до 9,7 млрд. Число, близкое к десяти миллиардам, может казаться пугающе большим, но в прогнозе ООН фактически учтено резкое снижение темпов роста населения. Детей стало рождаться намного меньше, и меньше молодежи вливается в когорту людей трудоспособного возраста, а численность населения повышается в основном за счет того, что люди стали дольше жить. Для экономического роста такой расклад крайне опасен.

Большую часть послевоенного времени население мира ежегодно росло в среднем на 2 %, поэтому можно было ожидать, что и мировая экономика будет расти примерно с такой же скоростью, и даже на пару процентных пунктов выше за счет роста производительности каждого работника. Затем, примерно в 1990-м, рост населения мира резко замедлился. С тех пор темп роста

уполовинился, упав до 1 %. Может показаться, что разница между одним и двумя процентами невелика, но если бы рост после 1990-го оставался на уровне 2 %, нас бы сейчас было 8,7 млрд, а не 7,3. Мир не старел бы с такой скоростью, и мы бы сейчас не говорили о влиянии народонаселения на экономический рост.

Это влияние проявилось не сразу, потому что для достижения новорожденным трудоспособного возраста в пятнадцать лет должно пройти время. Конечно, во многих странах люди фактически не начинают работать раньше двадцати или даже двадцати пяти лет (в зависимости от продолжительности школьного обучения). Поэтому падение рождаемости начинает явно сказываться на вкладе народонаселения в экономический рост через пятнадцать и более лет, и в последние пять лет это влияние становится все очевиднее.

Замедление роста населения мира стало отсроченным результатом политики ограничения рождаемости, активно проводившейся в развивающемся мире начиная с 1970-х; в первую очередь это китайский “принцип одного ребенка”, установленный в 1978 году. Кроме того, рост населения и в развитых и в развивающихся странах замедлился из-за повышения уровня благосостояния и уровня образования женщин, многие из которых решили заняться карьерой и иметь меньше детей или не иметь их вовсе.

Корни этого демографического сдвига лежат в произошедших за последние полстолетия базовых изменениях в коэффициентах смертности и фертильности. Благодаря успехам медицины и здравоохранения люди стали жить дольше, чем в 1960-х. Средняя продолжительность жизни в мире увеличилась с пятидесяти лет в 1960 году до шестидесяти девяти лет и продолжает расти. Основной рост населения уже приходится на людей старше пятидесяти, а быстрее всех в настоящее время растет сегмент людей старше восьмидесяти. Население мира будет расти и дальше, хотя и значительно медленнее, а вот сегмент людей трудоспособного возраста – двигатель экономического роста – продолжает уменьшаться.

В период после 1960 года происходило и повсеместное падение рождаемости: среднее число рождений на одну женщину упало с 4,9 до 2,5. В развивающихся странах падение было еще более резким благодаря уже упоминавшейся активной политике контроля над рождаемостью. В Индии и Мексике – двух странах, которые вызвали наибольшие опасения в связи с возможным ростом перенаселенности, – коэффициент фертильности упал с 6 в 1960-м до 2,5 и менее. Обе страны теперь очень близки к коэффициенту фертильности на

уровне воспроизводства (2,1) – при более низкой рождаемости население начинает сокращаться. По мере падения коэффициента фертильности до критического уровня в 2,1 все больше стран оказываются ниже порога воспроизводства. Почти половина населения Земли сейчас живет в одной из восьмидесяти трех стран, где на одну женщину приходится в среднем менее двух детей. Диапазон этих стран чрезвычайно широк: от Китая, России, Ирана и Бразилии до Германии, Японии и США[10 - Rick Gladstone, "India Will Be Most Populous Country Sooner Than Thought." New York Times, July 29, 2015.].

Население трудоспособного возраста уже сокращается в некоторых ведущих странах, включая Японию, Италию и Германию. Там процесс был очевиден уже годы, но сейчас он начался или вот-вот начнется еще более быстрыми темпами во многих крупных развивающихся государствах, включая Китай и Индию. Более того, ожидается, что темпы роста населения будут продолжать снижаться в следующем десятилетии и далее. Это радикальным образом меняет экономические перспективы планеты.

Замедление роста населения уже повлекло за собой экономические ударные волны внутри общества, влияя на отношения между поколениями, полами, национальностями и даже на конкуренцию человека с машинами. Когда ООН недавно повторила свой прогноз о том, что к 2050 году население Земли приблизится к 10 миллиардам, снова возникла паника в связи с возможной перенаселенностью планеты. Появились неомальтузианцы, которые боятся, что рост народонаселения обгонит рост продовольствия и человечество будет голодать. Есть и неолуддиты, которые опасаются, что изобилие роботов сделает ненужными работающих людей, – угроза особенно страшная в условиях взрывного роста населения. А антииммигрантские силы в Европе и Америке ратуют за строительство пограничных стен для сдерживания растущего натиска тех, кого один из членов британского Кабинета министров назвал "отчаявшимися мигрантами-мародерами".

При этом упускается из виду, что, хотя десять миллиардов – это и правда уйма народу, для экономики, в том числе для запасов продовольствия, имеет значение замедление темпов роста. Если население стало расти медленнее, это значит, что ослабеет давление на всю производственную цепочку: можно будет изготавливать меньше одежды, домов и еды. Фермам не нужно будет повышать производительность с прежней скоростью, чтобы накормить всех, им нужно будет расширяться только для удовлетворения нужд пожилых людей, которые потребляют до трети меньше калорий, чем молодые. Я не хочу преуменьшать

проблему голода в ряде стран, но реальная экономическая причина тут – не рост населения. Для большинства стран основную экономическую угрозу представляет не избыток людей, а недостаток молодежи, и ослабить грядущую опасность нехватки трудовых ресурсов может внедрение роботов. Уходящих на пенсию фермеров могут заменить агроботы.

В мире, где все больше стран будет сталкиваться с нехваткой трудовых ресурсов, на смену текущим разногласиям по поводу “мигрантов-мародеров” (а может, и наряду с ними) придут активные кампании по привлечению или похищению трудовых ресурсов и талантов у других народов. Для стран с быстро стареющим или убывающим населением будет не важно, приедут ли к ним “экономические мигранты” в погоне за своим шансом или “политические беженцы”, спасающиеся от войны или преследований. И те и другие пополнят трудовые ресурсы. Необходимость в привлечении или удержании трудовых ресурсов будет особенно острой в развивающемся мире, где коэффициент фертильности падал быстрее, а продолжительность жизни увеличивалась гораздо быстрее, чем это происходило в прошлом, когда богатые страны, такие как Великобритания и США, были на ранней стадии экономического развития.

Ключевой демографический вопрос для экономических перспектив страны заключается в том, растет ли ее кадровый резерв. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно прежде всего посмотреть на прогноз роста трудоспособного населения в ближайшие пять лет, потому что именно работники (в большей степени, чем пенсионеры и учащиеся) способствуют экономическому росту. Вторая часть правила сводится к тому, что надо посмотреть, как страна противостоит замедлению роста населения. Один (довольно сомнительный) путь заключается в агитации женщин за то, чтобы иметь больше детей. Другой – в привлечении взрослых, включая пенсионеров, женщин и экономических мигрантов, в ряды активных трудовых ресурсов. Победят те страны, которым повезло иметь высокий прирост населения трудоспособного возраста или которые сумеют привлечь к труду больше свежих кадров.

Двухпроцентный прирост населения – хороший знак

Чтобы лучше понять, какие ограничения наложит демография на экономику разных стран в ближайшие годы, я изучил демографические закономерности для своего списка послевоенных чудес роста – пятьдесят шесть случаев, когда стране удавалось сохранять по меньшей мере шестипроцентный рост экономики

на протяжении не менее десяти лет. Я выяснил, что во время этих периодов подъема средний темп прироста населения трудоспособного возраста составлял 2,7 %. Иными словами, существенная часть роста в этих “чудо-экономиках” была обусловлена все увеличивающимся числом молодых людей, достигающих рабочего возраста. Эта очевидная связь между взрывным ростом населения и экономическим чудом проявилась в десятках случаев: от Бразилии 1960-х и 1970-х до Малайзии с 1960-х по конец 1990-х.

Если говорить о том, как быстро должно расти население трудоспособного возраста для увеличения вероятности экономического подъема, то 2 % дает хороший ориентир. В трех из четырех чудо-экономик население трудоспособного возраста увеличивалось в среднем по крайней мере на 2 % в год в течение всего десятилетнего экономического подъема. Таким образом, маловероятно, что страну ждет десятилетний подъем, если ее население трудоспособного возраста растет медленнее 2 % в год. И разительное отличие современного мира от докризисного заключается в том, что теперь очень мало стран, где население растет так быстро. Относительно недавно, в 1980-е, в семнадцати из двадцати самых крупных развивающихся стран население трудоспособного возраста росло быстрее, чем на 2 % в год. Однако их число неуклонно уменьшалось, и в 2010-е таких стран было всего две: Нигерия и Саудовская Аравия. И темпы продолжают падать. К следующему десятилетию – между 2020-м и 2030-м – в этом списке останется только одна страна: Нигерия. В мире, где будет меньше крупных государств с быстрорастущим населением, экономические чудеса станут редкостью.

Следует признать, конечно, что для экономического подъема не всегда требуется бурный рост населения: в четверти перечисленных выше случаев стране удавалось достичь десятилетнего периода интенсивного экономического роста без двухпроцентного прироста населения. Но чаще всего этому сопутствовали необычные обстоятельства. Некоторые страны, например Чили и Ирландия в 1990-е, уже были в относительно хорошем состоянии, когда определенные сочетания реформ и новых инвестиций повысили производительность, компенсировав медленный рост населения. У других возврат к экономическому благополучию происходил на фоне преобразований, как в Японии, Португалии и Испании в 1960-е или в России через десять лет после развала СССР (тут дополнительный вклад внесли высокие цены на нефть). В наше время подобного подъема ожидать трудно, учитывая падение цен на сырьевые товары и распространение политической нестабильности.

Это не предвещает ничего хорошего развивающемуся миру, где все больше стран ожидает перспектива слабого или даже негативного роста населения. Прогнозируется, что на протяжении 2010-х во всех крупных развивающихся странах, включая Индию, Бразилию, Мексику, Индонезию и Таиланд, рост населения трудоспособного возраста будет не выше 2 %. В трех крупных развивающихся странах – Польше, России и, что особенно важно, в Китае – население трудоспособного возраста уже сокращается. Там рост населения трудоспособного возраста опустился ниже 2 % еще в 2003 году и после этого неуклонно падал, пока в 2015-м впервые не стал отрицательным.

В настоящее время сокращение народонаселения Китая является – наряду с высокой долговой нагрузкой и избыточным инвестированием – одной из основных причин, заставляющих сомневаться, что страна сможет сохранить высокий рост ВВП. С 2010-го крайняя увлеченность кредитами раскрутила долговую нагрузку Китая до примерно 300 % ВВП, и это бурно обсуждается. Инвестиционный бум, легший в основу быстрого роста Китая, постепенно сходит на нет, оставляя по всей стране призрачные города-новостройки. Однако не менее губительны для роста и последствия депопуляционного взрыва.

Обеспечить устойчивый экономический рост в стране с уменьшающимся населением почти невозможно – или, как предупредила Европейская комиссия в 2005-м, “ни разу в истории не удавалось достичь экономического роста без роста населения”[11 - Charles S. Pearson, *On the Cusp: From Population Boom to Bust* (New York: Oxford University Press, 2015).]. В базе данных о почти двухстах странах за период с 1960 года нашлось 698 случаев, когда для той или иной страны есть сведения о темпах роста ее населения и ВВП на протяжении целого десятилетия. Из них в 38 случаях население трудоспособного возраста в стране за десять лет уменьшилось, при этом рост ВВП для таких стран составлял в среднем всего 1,5 %. И только в трех из 698 случаев стране с уменьшающимся населением удалось поддерживать рост ВВП в размере не менее 6 %. Во всех трех случаях это были небольшие страны, восстанавливавшие свою экономику после периода политических волнений, послевоенного хаоса или развала СССР: Португалия в 1960-е, Грузия и Беларусь в 2000–2010 годы. Эти данные заставляют полагать, что для Китая средний рост в шесть и более процентов крайне маловероятен, хотя официальная цель по-прежнему превышает этот порог.

В нескольких многонаселенных странах число людей трудоспособного возраста растет со скоростью не ниже 2 %. К ним относятся Филиппины и несколько

развивающихся стран со скромными экономиками, не позволяющими им войти в ведущую двадцатку, например Кения, Нигерия, Пакистан и Бангладеш. Прогнозируется, что население этих стран будет продолжать быстро расти на протяжении следующего десятилетия, поэтому у них есть демографическая фора на конкурентном рынке. Для них важно не поддаваться обманчивой идее “демографических дивидендов” – что рост населения якобы сам по себе обеспечивает быстрый экономический рост. На самом деле это происходит только тогда, когда политические лидеры создают необходимые для привлечения инвестиций и создания рабочих мест экономические условия. А вот в Африке, Китае и Индии в 1960–1970 годы быстрый рост населения привел к голоду, высокому уровню безработицы и волнениям. Быстрый рост населения часто является необходимым условием для быстрого экономического роста, но никогда его не гарантирует.

До 2000-х в большинстве стран наблюдался устойчивый рост населения, но к экономическим чудесам он, как правило, не приводил. Мои исследования показали, что в более 60 % из 698 случаев рост населения трудоспособного возраста составлял не менее 2 %, но только четверть из этих подъемов в росте населения привела к экономическим чудесам, то есть к среднему росту экономики не менее 6 % в течение того же десятилетия. Страны, в которых быстрый рост населения не привел к экономическому чуду, – это Турция в каждое десятилетие с 1960-го по 2000-й и Филиппины в каждое десятилетие с 1960-го по 2010-й. Сегодня даже Кения с ее самым быстрым в мире приростом населения – между 2015 и 2020-м он предположительно составит 3 % – не может рассчитывать, что это автоматически переведет ее в ведущие экономики мира.

Предостережением может послужить арабский мир, где в 1985–2005 годах население росло со средней скоростью выше 3 % в год, или почти вдвое быстрее, чем в остальных странах, однако это не принесло никаких экономических дивидендов. В начале 2010-х многие арабские страны страдали от чудовищно высокого уровня безработицы среди молодежи: более 40 % в Ираке и более 30 % в Саудовской Аравии, Египте и Тунисе, где начались беспорядки и хаос “арабской весны”. В Индии, где на демографические дивиденды также возлагали огромные надежды, в ближайшее десятилетие трудовые ресурсы будут ежегодно пополняться десятью миллионами молодых людей, но экономика в последнее время порождает менее пяти миллионов рабочих мест в год.

Хотя чаще всего быстрый рост населения обсуждают в связи с крупными развивающимися странами, увеличение числа работников важно и для экономического роста развитых стран. В последние десятилетия США рассматривают себя как наиболее динамичную и гибкую из всех развитых экономик, намного более инновационную, чем европейские страны, и намного менее косную, чем Япония. Однако значительная часть их преимуществ последних лет вызвана тем, что в ряды трудовых ресурсов США вливается все больше молодых людей. За последние тридцать лет их население трудоспособного возраста росло гораздо быстрее, чем у основных промышленных конкурентов: вдвое быстрее, чем во Франции и Англии, в пять раз быстрее, чем в Германии, и в десять раз быстрее, чем в Японии. Этот демографический подъем помогает объяснить более быстрый экономический рост США за тот же период. Например, в Германии и Великобритании, если вынести за скобки медленный рост их населения, подушевой доход рос с той же скоростью, что и в США. За последние тридцать лет экономика США развивалась в среднем на 0,9 процентного пункта быстрее Германии, и ее население трудоспособного возраста тоже росло в точности на 0,9 процентного пункта быстрее. В остальном их параметры совпадали.

Демографические прогнозы на период 2015–2020 крайне неблагоприятны для развитого мира. Среди десяти крупнейших развитых государств число людей трудоспособного возраста ожидается неизменным во Франции, слегка уменьшится в Испании и будет уменьшаться в быстром темпе (не менее 0,4 % в год) в Италии, Германии и Японии. Прогноз для США менее мрачен: ожидается рост в 0,2 %, примерно такой же, как в Великобритании и Канаде. Среди развитых стран более радужные перспективы, к сожалению, лишь у меньших экономик во главе с Сингапуром и Австралией. Там население по-прежнему растет с приличной скоростью, но их вклад в мировую экономику слишком мал, чтобы компенсировать меньший рост в более крупных странах.

Детские пособия

Борьба с падением роста населения уже в разгаре. За последние десять лет многие страны осознали эту экономическую опасность и приняли меры для противодействия ей. В 2014 году Дания пересмотрела программу сексуального просвещения старшеклассников – их теперь предупреждают о том, как опасно откладывать рождение детей слишком надолго. По данным ООН, 70 % развитых стран уже приняло специальные меры для поощрения рождаемости (в 1996-м таких было только 30 %). В то же время количество развивающихся стран,

принимающих активные меры по контролю за ростом населения, с 1990-х стабилизировалось на уровне 60 %.

Поскольку коэффициент фертильности во многих странах опустился ниже уровня воспроизводства (2,1), страны, субсидирующие материнство, основные усилия тратят на то, чтобы побудить женщин иметь более двух детей, а в некоторых странах субсидии на третьего, четвертого и пятого ребенка еще больше. Во многих странах пытались предлагать женщинам денежные пособия на детей или как-то иначе стимулировать деторождение – форма вмешательства государства в репродуктивный процесс, которая часто оказывается неэффективной и противоречивой.

В 1987 году Сингапур выступил пионером этого направления, выдвинув лозунг: “Трое и больше, если это вам по карману”. Широкий спектр поощрительных мер, включая субсидии на пребывание в больнице, мало сказался на коэффициенте фертильности. Я в то время учился в Сингапуре и помню, как шутили о том, что из-за субсидий удлинились очереди беременных китаянок, стремившихся произвести кесарево сечение в крайне благоприятное число – 8-8-88. Канада ввела детские пособия в том же, 1988-м, году, но через несколько лет их отменила, отчасти потому, что – как оказалось и в других странах – на прямые денежные выплаты откликнулось очень много бедных женщин, и их дети легли тяжким бременем на систему соцобеспечения[12 - Tristin Hopper, “A History of the Baby Bonus: Tories Now Tout Benefits of Program They Once Axed,” National Post, July 13, 2015.].

Когда австралийский министр финансов Питер Костелло в 2005 году впервые объявил о введении в стране детских пособий, он несколько двусмысленно призвал женщин “расслабиться и подумать о стареющем населении”, чем вызвал в обществе некоторое смущение. Шесть лет спустя эти пособия в Австралии отменили, отчасти потому, что они мало сказались на коэффициенте фертильности. К тому времени более серьезные социальные перемены окончательно нивелировали их роль. В большинстве процветающих стран высококвалифицированные женщины не хотят заводить детей до тридцати лет, чтобы сначала сосредоточиться на карьере. В итоге они меньше рожают.

Во Франции социалистическое правительство премьер-министра Лионеля Жоспена попыталось решить эту проблему за счет настолько щедрых пособий, что они могли бы привлечь и высококвалифицированных женщин. Объявленный в 2005 году план правые атаковали за раздувание и без того провального

бюджета, а левые – за предоставление преимуществ богатым. Тем не менее пакет был одобрен, включая щедрые выплаты, рассчитанные исключительно на тех родителей, которые решили завести этого золотого третьего ребенка: дополнительные субсидии на жилье, снижение налогов, 10 %-я надбавка к пенсии и 75 %-я скидка на железнодорожные билеты. Помимо этого, родители получали ежемесячное пособие на третьего ребенка в размере 400 долларов, и в придачу – что, возможно, было еще важнее, – если один из них уходил с работы, чтобы ухаживать за третьим ребенком, ему выплачивалась стипендия в размере 1200 долларов в месяц. Эта стипендия могла, по-видимому, привести к немедленному сокращению трудовых ресурсов ради их будущего увеличения. Один из главных архитекторов французской реформы, Питер Бринн, защищая субсидирование рождаемости от критиков, называл его “инвестицией в будущее”. Однако к 2015 году Франция тоже существенно снизила детские пособия.

Когда с недавних пор масштабы сокращения населения стали наносить вред развивающемуся миру, в Чили, одной из первых развивающихся стран, были введены детские пособия. Несмотря на репутацию Чили как консервативной католической страны с традиционно большими семьями, коэффициент фертильности здесь уже намного ниже уровня воспроизводства. В 2013 году правительство откликнулось на растущую опасность резкого уменьшения населения, объявив о планах поощрения деторождения. Президент Себастьян Пиньера заявил, что снижение коэффициента фертильности беспокоит его больше всяких природных катаклизмов, вроде разразившегося в Чили в феврале 2010 года землетрясения. Он ввел прогрессивную схему единовременных выплат: 200 долларов на рождение третьего ребенка, 300 – на четвертого и 400 – на пятого. “Это неожиданное и стремительное падение рождаемости представляет серьезную опасность, серьезную угрозу, которая может повлиять на то, какую страну мы действительно хотим создать”, – предупредил Пиньера.

Примерно в то же время Китай – прародитель всех программ регулирования роста населения – начал пересмотр своей давней кампании по контролю над рождаемостью посредством “политики одного ребенка”, трагически усугубившей проблему старения населения. “Политика одного ребенка” побудила многих родителей прерывать беременность, если плод оказывался женского пола, чтобы обеспечить себе рождение мальчика. В результате гендерный баланс общества оказался существенно нарушен. Число юношей намного превосходит число девушек, и многие молодые люди не смогут найти себе жену. Драконовские меры контроля драматически сказались на трудовых ресурсах: ожидается, что в ближайшие десятилетия они будут сокращаться на

миллион работников в год. В конце 2015-го Китай наконец объявил об отмене “политики одного ребенка”.

Трудно предсказать, какие последствия может иметь активное поощрение женщин заводить двоих, троих и более детей: на такую сложную вещь, как уровень рождаемости, невозможно повлиять предсказуемым образом. В недавней публикации демографов Ханса-Петера Колера и Томаса Андерсона объясняется, почему темпы снижения рождаемости в Европе так сильно меняются от страны к стране. В ходе промышленной революции женщины массово вливались в ряды трудовых ресурсов, но социальные нормы менялись медленнее, чем промышленная экономика. Мужчины по-прежнему рассматривались в качестве основных кормильцев, а от женщин по-прежнему ожидалось, что они будут заниматься воспитанием детей и выполнять домашнюю работу. Эти гендерные роли стали меняться в 1960-е, когда культура стала подтягиваться к экономике, но в одних странах процесс шел быстрее, чем в других. Во Франции, Великобритании и скандинавских странах матерям оказалось легче вернуться к работе, отчасти благодаря щедрой поддержке социальных служб по уходу за ребенком. В более традиционных обществах, таких как Германия и Италия, где старые представления о гендерных ролях менялись медленнее, больше женщин отказывалось иметь детей, и сегодня коэффициенты фертильности там чудовищно низки.

Таким образом, результаты государственного влияния на репродуктивное поведение населения проявляются не сразу, и они непредсказуемы, отчасти потому что скорость культурных изменений и уровень сексуальной предвзятости в разных странах разные. Китай со своей “политикой одного ребенка” вовсе не стремился отдать предпочтение мальчикам – там даже пытались запретить врачам разглашать пол плода, – но традиции общества, все еще ставящего во главу угла старших сыновей, исказили результаты. К 2014 году гендерный дисбаланс достиг апогея: на каждые 100 девочек рождался 121 мальчик. Во время своих поездок в Пекин и Шанхай в начале 2010-х я слышал разговоры о том, что Китай возвращается в XIX век, когда широко распространенное убийство новорожденных девочек привело к аналогичному гендерному дисбалансу, который, по некоторым данным, дал толчок “тестостероновой” резне Тайпинского восстания (1850–1864). Говорилось об этом отчасти в шутку, но сама проблема гендерного дисбаланса вызывала серьезные опасения. Весьма вероятно, что в других странах субсидии многодетным семьям будут иметь свои нежелательные последствия. Такого рода кампании трудно рассматривать как положительные знаки для любой страны.

Более плодотворным представляется стремление привлечь к активному труду большее число людей. При этом открываются двери для людей, которые физически и умственно способны к труду, но формально не заняты. Если увеличение численности населения происходит довольно медленно, то увеличения доли работающих можно добиться гораздо быстрее: ведь чтобы женщина, пенсионер или экономический мигрант приступили к работе, не нужно ждать, пока они вырастут. Организация служб ухода за детьми может вернуть на работу мам. Открыв двери экономическим мигрантам, можно в одночасье увеличить население трудоспособного возраста. А отменив принятые в XX веке законы, которые во многих промышленно развитых странах сместили возраст выхода на пенсию на шестой десяток, можно очень быстро вернуть на рабочие места забытое поколение. Чтобы разобраться, каких перемен можно ожидать в размере и квалификации трудовых ресурсов, нужно обратить внимание на изменения в числе пожилых граждан, женщин, мигрантов и даже роботов, приходящих на рабочие места.

Свободу вынужденным пенсионерам!

В последние десятилетия сокращение населения повсеместно усугубляется снижением коэффициента участия трудовых ресурсов – иначе говоря, доли взрослых трудоспособного возраста, имеющих рабочее место или находящихся в его поиске. Из этого процесса снижения доли работающих есть несколько крупных исключений, в частности Германия, Франция, Япония и Великобритания. Зато в США падение происходит особенно резко. За последние 15 лет коэффициент участия трудовых ресурсов в США снизился с 67 до 62 %, причем большая часть снижения пришлась на период после глобального финансового кризиса. Если бы не снижение этого коэффициента, трудовые ресурсы США в 2015 году включали бы на 12 млн человек больше. Хотя часть этого снижения может быть временным явлением, отражающим то, что миллионы безработных отчаялись найти работу в угнетающей атмосфере Великой рецессии, снижение коэффициента произошло бы в любом случае из-за старения населения. В США для 45-летних коэффициент участия составляет чуть более 80 %, а для 65-летних он менее 30 %; ожидается, что он будет продолжать падать в большинстве стран, поскольку население мира стареет.

Наиболее мудрые страны пересматривают весь принцип “пенсионного возраста” – концепции, не существовавшей до 1870-х. Ранее люди работали до тех пор, пока позволяло их физическое или умственное состояние, и имели много детей, рассчитывая в старости на поддержку хотя бы одного из них.

Затем одна железнодорожная компания из Западной Канады задалась вроде бы совершенно частным, но, как оказалось, судьбоносным вопросом: в каком возрасте водить поезда становится опасно?[13 - Richard F. Hokenson, "Retiring the Current Model of Retirement," Hokenson Research, March 2004.] Ответом тогда стало - шестьдесят пять лет, и именно этот рубеж приняли в качестве официального возраста прекращения трудовой деятельности во многих странах. Даже когда люди сохраняли активность после семидесяти и даже после восьмидесяти, возрастное ограничение осталось неизменным.

Первые государственные выплаты по случаю прекращения трудовой деятельности, призванные облегчить финансовую нестабильность в старости, тоже появились в конце XIX века, в Германии Бисмарка. В то время коэффициенты фертильности в Европе были намного выше уровня воспроизводства, а продолжительность жизни намного ниже, чем сейчас, поэтому население трудоспособного возраста быстро росло и в абсолютных числах, и в отношении к пожилому населению. При растущем числе работников, содержащих ограниченное число пенсионеров, план Бисмарка, согласно которому молодежь обложили налогом для выплаты пенсий старикам, работал прекрасно.

Теперь ситуация зеркально изменилась. Население трудоспособного возраста больше не растет, но пенсионный план Бисмарка остается в действии, хотя многие критики утверждают, что с течением времени он превратился в нежизнеспособную схему Понци. Стало невозможно набрать достаточное количество молодых работников, чтобы хватало на пенсии прекратившим трудовую деятельность; пенсионеры же полностью свыклись с такими выплатами и чувствуют себя превосходно. В октябре 2013-го в Вене я разговорился с энергичным австрийским администратором гостиницы. Она рассказала, что в свои пятьдесят восемь с нетерпением ждет грядущего через два года выхода на пенсию, размер которой будет почти равен ее последнему жалованию. Она планировала вместо работы заняться танго, поехать по стране на велосипеде и покататься на лыжах где-нибудь подальше от цивилизации.

Даже самые богатые страны пришли к выводу, что больше не могут оплачивать золотые годы, которые начинаются так рано. Чтобы определить, для каких стран старение и его стоимость представляют особую опасность, просто сравните число иждивенцев (людей старше 64 или моложе 15) с числом людей трудоспособного возраста (15-64) - это соотношение принято называть коэффициентом иждивенчества. Изменение этого коэффициента многое говорит

о потенциале экономического роста страны, показывая, какой процент населения вступает в трудоспособный возраст, начинает откладывать деньги и вносить свой вклад в капитал, который можно инвестировать, не истощая пенсионные фонды. Во время южнокорейского экономического бума в послевоенные годы темпы роста ВВП страны ежегодно увеличивались или уменьшались почти в точном соответствии с изменениями коэффициента иждивенчества. Рост ВВП Китая тоже достиг своего пика в 2010 году, одновременно с достижением коэффициента иждивенчества своего минимума (один иждивенец на троих работающих), после чего коэффициент пополз вверх.

В наше время это число отражает крайне драматичную ситуацию, особенно в таких стареющих регионах, как Европа, где отношение трудоспособного населения к пожилым с 1950-х уменьшилось вдвое и предположительно уменьшится еще вдвое в ближайшие тридцать лет. Ожидается, что процесс старения, который охватил уже наиболее развитые страны, еще сильнее ударит по развивающимся, опять же потому что там резче падает коэффициент фертильности и резче увеличивается продолжительность жизни. С 1960 года средняя продолжительность жизни в мире выросла на 19 лет, но в Китае среднестатистический гражданин живет на 30 лет дольше и умирает в 75. Это замечательное достижение, но оно имеет свою цену. Сейчас доля китайского населения старше 65 лет на пути к удвоению с 7 % в 2000-м до 14 % в 2027-м. Во Франции же этот процесс удвоения занял 115 лет, а в США – 69.

Демографические изменения отражаются на экономике в первую очередь тем, что уменьшается или увеличивается количество работников, но помимо этого они сказываются и на производительности. В последние годы в странах, где быстро росло население, зачастую и производительность росла быстрее. По мере снижения коэффициента иждивенчества, когда все больше людей начинают работать и зарабатывать на независимую жизнь, доход страны растет – а это увеличивает размер капитала, который можно использовать для инвестирования так, чтобы еще больше повысить производительность. По мнению демографа Эндрю Мейсона, этот вторичный демографический дивиденд существенно увеличил темпы роста экономики в Восточной и Юго-Восточной Азии, где относительно высокие нормы сбережения и относительно большие трудовые ресурсы [14 - Andrew Mason, "Demographic Transition and Demographic Dividends in Developing and Developed Countries," United Nations Expert Group Meeting on Social and Economic Implications of Changing Population Age Structures, August 31–September 2, 2005.].

Кроме того, более опытная рабочая сила обычно оказывается и более производительной. В лучшем положении находятся страны, где предпринимаются шаги для того, чтобы сохранить пожилых людей в составе трудовых ресурсов, не переводя их в разряд иждивенцев. В 2007 году в Германии повысили возраст выхода на пенсию для мужчин и женщин с 65 до 67 лет – мера, которая будет внедряться поэтапно. Так же поступило большинство остальных европейских стран, включая Польшу. Ожидается, что в следующие пять лет доля трудоспособного населения Польши уменьшится более чем на три процентных пункта и составит 66 % – самое резкое снижение среди крупных стран при том, что число пожилых людей продолжает быстро расти. В стране кипят дебаты по поводу повышения пенсионного возраста и других вопросов, типичных для “седеющего” общества, а польские предприниматели стараются извлечь из старения выгоду. По всей стране открываются дома престарелых, которые поляки называют “домами спокойной старости”. Европейские страны, включая Италию и Португалию, уже связали изменение пенсионного возраста с увеличением ожидаемой продолжительности жизни, в других странах обсуждается повышение пенсионного возраста до 70 лет и старше. Есть и исключения, например Франция; но повышение пенсионного возраста – это важный шаг вперед для стареющих стран, и каждый дополнительный год повышения сэкономит миллиарды пенсионных расходов и отсрочит депопуляционный взрыв.

Однако было бы ошибкой считать, что государство может одним росчерком пера заставить всех стареющих работников продолжить трудовую деятельность. В Мексике официальный возраст выхода на пенсию – 65 лет, но типичный мексиканец уходит на пенсию в 72. И во Франции официальный возраст выхода на пенсию – 65 лет, но типичный француз фактически прекращает трудовую деятельность, не дожидаясь 60. Изменяя официальный возраст завершения трудовой деятельности и размер пенсионных выплат, можно поощрить людей оставаться на рабочих местах, но нельзя мгновенно изменить сложившуюся культуру. В большинстве стран продолжительность “золотых лет” пребывания на пенсии увеличивается, ложась тяжелым грузом на экономику. В тридцати четырех промышленно развитых странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), от Китая и Южной Кореи до США и Великобритании разрыв между возрастом выхода на пенсию и смертью составляет в среднем пятнадцать лет, постепенно увеличившись с двух лет в 1970-м.

Затраты на пенсионные выплаты выросли до чудовищных размеров, особенно в Бразилии, где мужчины в среднем выходят на пенсию в 54, а женщины – в 52

года, раньше чем в любой стране – члене ОЭСР. Причем средняя пенсия составляет 90 % от последней зарплаты, а в членах ОЭСР в среднем – 60 %. Бразилия – одна из тех стран, где растущий дисбаланс между числом работающих и пенсионеров больше всего угрожает шаткому зданию бисмарковской пенсионной системы. Еще один фронт борьбы с результатами резкого падения численности населения, где приходится сражаться правительствам.

Роль женщин в трудовых ресурсах

Международное женское движение за включение женщин в трудовые ресурсы, бывшее весьма активным в послевоенное время, в значительной мере ослабло в последние двадцать лет, после того как коэффициент участия для женщин достиг примерно 50 %. Степень участия женщин в трудовой деятельности обычно очень высока в бедных аграрных странах, где прокормить семью можно, только если все работают в поле. Затем степень участия падает по мере индустриализации страны и перехода ее в средний класс, когда часть женщин переключается на домашнюю работу, выпадая из формальной категории рабочей силы. И наконец, когда страна становится еще богаче, у семей появляются средства, чтобы отправлять женщин в колледж, а уже потом многие из них пополняют трудовые ресурсы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

“В диких условиях” (Into the Wild) – фильм Шона Пенна по одноименной книге Джона Кракауэра, вышедший на экраны в 2007 году (прим. перев.).

2

Всюду в книге под долларами, если не оговорено иное, понимаются доллары США (прим. перев.).

3

Рост глобального ВВП здесь вычисляется на основе рыночных обменных курсов.

4

Соррег англ. – медь; доктор Коппер – персонаж научно-фантастической повести “Кто идет?” (Who Goes There?) Джона Вуда Кэмпбелла – младшего (John Wood Campbell, Jr.) (прим. перев.).

5

Это число характеризует потенциальный рост, который мы вычисляем как сумму роста производительности и роста занятости, используя показатели из общей экономической базы данных Conference Board.

6

Технически рост производительности есть сумма повышения качества трудовых ресурсов, углубления структуры капитала и совокупной производительности факторов производства.

Комментарии

1

Mark P. Lagon and Arch Puddington, "Democracy Takes a Global Hit," Wall Street Journal, January 27, 2016.

2

Arthur Miller, "The Year It Came Apart," New York Magazine, December 30, 1974.

3

Harry Wu, "China's Growth and Productivity Performance Debate Revisited – Accounting for China's Sources of Growth with a New Data Set," The Conference Board, Report no. EPWP1401, February 2014.

4

Ghada Fayad and Roberto Perrelli, "Growth Surprises and Synchronized Slowdowns in Emerging Markets: An Empirical Investigation," International Monetary Fund, 2014.

5

Lant Pritchett and Lawrence Summers, "Asiaphoria Meets Regression to the Mean," National Bureau of Economic Research, Working Paper no. 20573, October 2014.

6

"Goodhart's Law," BusinessDictionary.com.

7

James Surowiecki, *The Wisdom of Crowds: Why the Many Are Smarter Than the Few and How Collective Wisdom Shapes Business, Economies, Societies, and Nations* (New York: Doubleday, 2004).

8

Ned Davis, Ned's Insights, November 14, 2014.

9

“Picking Apart the Productivity Paradox,” Goldman Sachs Research, October 5, 2015.

10

Rick Gladstone, “India Will Be Most Populous Country Sooner Than Thought.” New York Times, July 29, 2015.

11

Charles S. Pearson, *On the Cusp: From Population Boom to Bust* (New York: Oxford University Press, 2015).

12

Tristin Hopper, “A History of the Baby Bonus: Tories Now Tout Benefits of Program They Once Axed,” National Post, July 13, 2015.

13

Richard F. Hokenson, “Retiring the Current Model of Retirement,” Hokenson Research, March 2004.

14

Andrew Mason, "Demographic Transition and Demographic Dividends in Developing and Developed Countries," United Nations Expert Group Meeting on Social and Economic Implications of Changing Population Age Structures, August 31-September 2, 2005.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sharma_ruchir/vzlety-i-padeniya-gosudarstv-sily-peremen-v-postkrizisnom-mire

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)